

ЗА ВЕРБОЙ

Зимы в пору моего детства были морозными, снежными, долгими. По-настоящему наступление весны чувствовалось только во второй половине марта. Чаше случались солнечные дни, небесное светило ярче блестело и сильнее грело. В один из таких дней мы, пятеро друзей, и отправились за вербой, потому что приближался праздник Светлого Христова Воскресения.

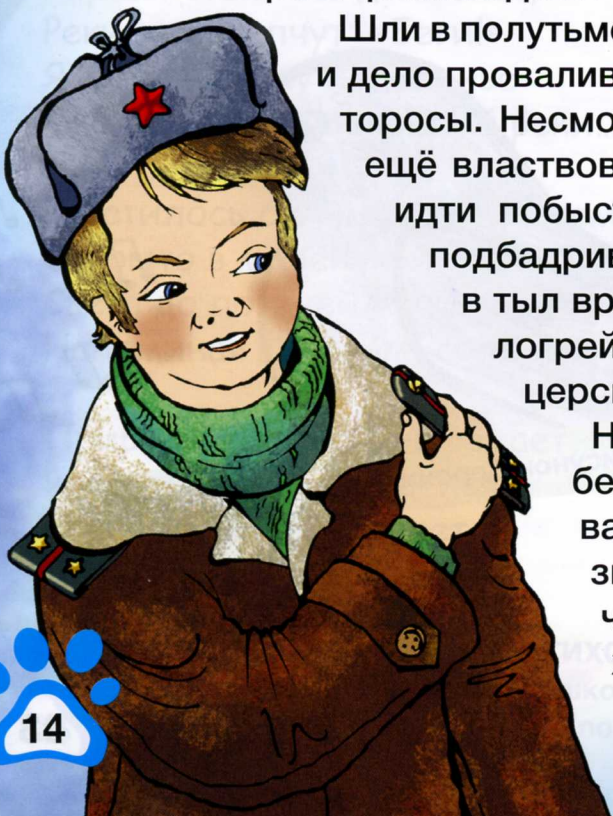
В то время я сблизился с Серёгой Трощенко, Костей Гонтой и моим тёзкой Валеркой Астафуровым. Я учился в третьем классе. Костя и Валерка – в четвёртом. Серёга – в пятом.

Был у нас и ещё один дружок – мой ровесник Сашка Мясников. Его отец служил офицером. У Сашки были атрибуты офицерского обмундирования: погоны, звёздочки, кокарды. Играя в войну, мы прицепляли погоны: Серёга – капитанские, Костя и Валерка – старших лейтенантов, Сашка и я – лейтенантов. Открыто щеголять в погонах Мясников-старший запрещал, потому мы старались играть где-нибудь подальше от глаз людских. Вот и в этот раз основная цель – наломать вербы – совпала с желанием покрасоваться в погонах, и мы решили направиться на остров, который находился на слиянии рек Амура и Зеи.

Чтобы добраться до острова, надо было пройти территорию речного порта. Но по дороге по верху это было невозможно: портовские склады охранялись сторожами, которые гоняли нас, мальчишек. Решили пробраться по низу, под деревянными эстакадами, тянувшимися вдоль по берегу Амура. Серёга уже не раз ходил этим путём, остальные же нет, и, вообще, мы четверо ещё никогда не бывали на острове.

Шли в полутьме – свет почти не проникал под эстакады, – то и дело проваливаясь в сугробы, перебираясь через ледяные торосы. Несмотря на то, что уже стоял март, под рядами ещё властвовала зима. Мы ёжились от холода, стараясь идти побыстрее, чтобы согреться. «Ничего, пацаны! – подбадривал Серёга. – Мы – разведчики, пробираемся в тыл врага». И мы бодрились, тем более что под телогрейками на наших плечах были настоящие офицерские погоны.

Наконец эстакады были позади, мы вышли на берег неширокого затона. Неподалёку зимовали вмёрзшие в лёд пароходы и катера. Мы знали, что они тоже охраняются, поэтому, чтобы вдруг не попасться на глаза сторожам, надо было быстро пробежать по льду до острова метров сто. Сколько было сил

и прыти ринулись вперёд. Правда, шибко быстро не получалось: на нас были телогрейки, тяжёлые валенки, но всё-таки и эту часть пути мы благополучно преодолели.

Вот он, остров, густо поросший деревьями! В такой чаще нас никто не увидит!

К тому времени мы порядком устали, играть в войну уже не хотелось. Выбрали более-менее бесснежное место, решив отдохнуть. Пovyтряхивали снег из валенок, который, подтаивая, холодил ноги, и пошли дальше искать вербовые деревья. Проводником опять-таки, как старший, стал Серёга: он мог отличить вербу от других кустов – пушинок-то на них ещё не было, только набухшие почки топорщились на ветках.

Наконец наткнулись на раскидистый куст с коричневато-бордовой корой. Вот она какая, весенняя верба!

Каждый наломал по приличной охапке, связав ветки шпагатом – хорошо, что тот же Серёга догадался его прихватить. А силы были уже на исходе. Идти обратно тем же трудным путём не хотелось, потому мы побрели по натопанной дорожке – куда-то же приведёт – и вышли... прямо на сторожа.

Он стоял у будки и строго смотрел на нас. Испугавшись, мы повернули обратно, но прогремел трубный голос: «Стоять!» Мы замерли, ожидая, что произойдёт дальше.

Мужчина в полушубке подошёл к нам, то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал: «За вербой ходили». Мы молчали, думая: сейчас отберёт вербу – и домой ни с чем вернёмся. Серёга же, у которого на шапке-ушанке поблёскивала алая звёздочка, тихо ответил: «Нет, мы в войну играли. А верба – так, заодно».

Сторож внимательно посмотрел на нас, уже порядком замёрзших: «Ну что же, тогда в плен вас возьму». Он завёл нас в избушку, где в печке-буржуйке пылал огонь, а когда отогрелись, вывел на дорогу, по которой мы вышли к автобусной остановке. На прощание сторож произнёс: «Больше не попадайтесь: в милицию сдам». Но эти грозные слова прозвучали для нас как самые добрые.

Вербовые веточки моя бабушка поставила в стеклянные банки с водой. Через какое-то время почки раскрылись, появились робкие клейкие листочки, а потом и пушистые белые комочки – сами вербочки.

Вскоре наступил и праздник – Вербное воскресенье. Рано утром бабушка и я пошли в церковь. Я бережно нёс вербовый букет, гордясь, что сам добыл эту красоту. Ни то, что мы мёрзли под эстакадами, ни то, что черпали снег валенками, ни то, что испугались при встрече со сторожем, тогда не вспоминалось.

Валерий ЧЕРКЕСОВ.
Рисунки Станислава ЧЕРНЯЕВА

